

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

Читайте книги Елены Вернер –
одного из самых перспективных авторов современности:

Купальская ночь, или Куда приводят желания

Грустничное варенье

Верни мои крылья!

Черный клевер

Ты – моя половинка

Синяя веранда

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

Счастливая
веранда

Москва

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В35

Художественное оформление серии *С. Груздева*

Вернер, Елена.
В35 Синяя веранда / Елена Вернер. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Верю, надеюсь, люблю. Романы Е. Вернер).

ISBN 978-5-699-92802-6

Синяя веранда старого уютного дома, окруженного виноградниками. На веранде — смуглая женщина в белом платье: юная, сильная и страстная. Забыть это он не может. Таинственная власть Марии и всего того, что окружает ее, столь мощна, что мужчина, обреченный быть вечным неприютным странником, скитальцем, неизменно стремится к ней из любой точки Земли, куда бы ни забросила его судьба. Он никогда не расскажет, что за его любовь к Марии двое заплатили своими жизнями, а двоих, движимый силой этой любви, он спас. Неизвестно, как сложится его жизнь дальше, но он уверен: отовсюду будет идти, лететь, ползти к заветному дому с синей верандой...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92802-6

© Вернер Е., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

СИНЯЯ ВЕРАНДА

ПОВЕСТЬ

И сегодня снова — та самая ночь. Я не знаю, как это происходит, но рано или поздно это непременно случается. Именно сегодня, засыпая, через пять суток после предыдущего раза, в самый последний момент перед отключкой, я снова чувствую это падение, словно проваливаюсь сквозь кровать, пол, все этажи подо мной — и куда-то еще ниже, до земного ядра, в самое пекло. Все мое тело знакомо костенеет, мышцы сокращаются судорогой в желании рвануться вперед, туда, где началось это падение. *Когда* началось это падение.

Я знаю *когда*. Мне исполнилось восемнадцать. Именно в том возрасте детский кошмар, падение во сне, стал моей реальностью навсегда. С тех пор прошло шестнадцать лет.

И пока я спиной вниз лечу сквозь, кажется, саму земную кору, я не могу думать, не могу пошевелиться. Но уже ощущаю на языке вкус, ставший мне родным. Он всегда неизменен, везде одинаков, скрипучий, сухой, старый и мучнистый.

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

Вкус дорожной пыли. Вкус обочины. Вкус моей жизни.

А потом я просыпаюсь. И все начинается.

Я открываю глаза, и первое, что я вижу, — она. Обочина. Глянул однажды, когда подвернулся случай, определение в словаре. «Элемент дороги, примыкающий непосредственно к проезжей части на одном уровне с ней». Все верно. Проезжая часть всегда принадлежит тем, кто здесь живет, — обочина всегда моя. С разметкой и нет, асфальтированная и грунтовая, с гравием, мелкой щебневой крошкой или красной глиной, с длинными соевыми иголками опада, с листьями, голая. Горячая и заледеневшая, посыпанная реагентом, облитая дождем и растрескавшаяся от засухи. По ней ручейком течет пыль от жаркого ветра, или электрически шелкает шар перекати-поля, или колышутся желтые рапсовые цветочки, пшеничные колосья, чертополох... Правда, разлежаться на ней долго не приходится, иначе обязательно кто-нибудь из проезжающих мимо тормознет и захочет узнать, в чем дело. Чаще всего это довольно удобно, говоришь или на пальцах объясняешь, что попал в беду, и просишь подбросить до ближайшего населенного пункта. Но иногда встречаются стражи порядка, вот с ними хлопот не оберешься. Очень сложно правильно ответить на вопросы, если не имеешь понятия даже, на какой из континентов тебя только что занесло, не говоря уж о стране или местном наречии. Нет, просыпаться от тычка полицейского я ненавижу. Потом весь день кувырком. Однажды сидел в китайской тюрьме, пока они пытались

Синяя веранда

определить мою личность и выяснить, есть ли у меня виза. Ага, ну да. Где-то рядом с паспортом, на другом конце света белого. Завалилась, так сказать.

С течением лет я потерял фамилию, потом национальность, потом имя. Возраст, правда, при мне, я сверяюсь с любым попавшимся мне на глаза календарем и любым зеркалом, так равнодушно отражающим мою загроможденную физиономию. В остальном я просто Кочевник.

Неважно, где я заснул, неважно, как давно было последнее перемещение. Просто однажды снова наступает та самая ночь, когда я ложусь спать и внезапно проваливаюсь в другую локацию, вот и все. И надо начинать сначала.

Постоянного в моих пробуждениях не так и много. Я всегда один, на обочине дороги, за пределами населенных пунктов. В любой широте это всегда утро, я прихожу в себя, лежа головой на восток, а на востоке как раз встает солнце. На мне всегда джинсы с пустыми карманами, хлопчатобумажная рубашка с закатанными до локтей рукавами и тряпичные мокасины. Я давно перестал мечтать о том, чтобы проснуться с кошельком — да и зачем он мне, если каждый раз нужна новая валюта. Хорошо хоть, милосердный некто позволяет мне не сверкать голым задом: видно, Бог стыдлив, и джинсы мне вместо фигового листочка. Каждый раз я чувствую себя отдохнувшим, но если накануне у меня разболелось горло, то и теперь недомогание продолжится. Если лег спать голодным — голод никуда не денется. Я — это по-прежнему я, только в других декорациях.

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

У меня давно выработался алгоритм действий. Первым делом, пока веки еще не поднялись полностью, кожа уже дает ответ на самый важный вопрос: тепло или холодно. Не «где я?», а именно так — «тепло или холодно?». От этого постоянно зависит моя жизнь. Я раздобуду еду и питье, найду ночлег, но все эти проблемы можно решить позже. А вот если я пробуждаюсь на обочине где-нибудь за Уралом в январе, на Аляске, в Висконсине или на Огненной Земле... Вы удивились бы, узнав, как изобретателен человек, который хочет выжить. За эти годы мне довелось воровать, угонять машины, вскрывать замки и бить стекла в домах, прикидываться больным, недоумком, немым, глухим, меня били, я дрался... И врал, вру-то я вообще постоянно, ведь кто в здравом уме поверит в правду? Словом, вряд ли я пример для подражания. Убивать других мне, правда, не приходилось, но я не тешу себя тщеславными иллюзиями о высоте моего морального полета. Вряд ли это результат осознанного выбора, скорее, я просто не попадал в настолько серьезные переделки. И не хочу думать, что будет, если попаду. Разберемся на месте. Мама всегда говорила: «Решай проблемы по мере их поступления». Мама...

Итак, сегодня я открываю глаза. Температура воздуха шикарная, градусов двадцать пять, а ведь только рассвет. Значит, пока мне ничто не угрожает и можно продолжить игру в угадайку. По скольким признакам вы определите свое местоположение в мире, среди пяти континентов и тысяч островов? На самом деле это не так

Синяя веранда

уж и важно. Главное — не спрашивать первого встречного «где я?». Во-первых, это тупой вопрос. Во-вторых, от первого встречного нужна по возможности помощь, а такой вопрос всегда вызывает неудовольствие и агрессию. Потому что в мире мало поклонников обдолбанных наркош с ретроградной амнезией, вы уж мне поверьте.

А если нет первого встречного? Порой это даже предпочтительнее. Люди заставляют меня держаться настороже. Никогда не знаешь, что придет в голову представителю нашего биологического вида, но, судя по плачевному состоянию планеты (а у меня было время это оценить), ничего хорошего в подавляющем количестве случаев. В одиночестве, при удовлетворительных погодных условиях, играть в угадайку становится даже забавно. Увлекательно. Я всегда смотрю на несколько вещей...

Дорожное покрытие. Как я уже сказал, просыпаюсь я на обочине, стало быть, в совсем уж необитаемые места меня не заносит. Ну так вот, я сразу встаю и иду — это залог выживания. Асфальт или нет, ровный или битый, знаки, разметка, правостороннее или левостороннее движение — все это может подкинуть пищу для ума. Указатель на город — это вообще деликатес, но такие попадаются редко. И пока мой ум пережевывает эти сведения, я добавляю еще.

Климатическая зона. Ну, сюда входит многое. Видны ли на горизонте горы, реки, моря, и какой ландшафт в целом, и растительность вдоль дороги, и фауна — дохлый тушканчик или раздавленная шинами змея. Чаше всего путаю Россию с Канадой, по природе они жутко

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

похожи, одни и те же березки, тополя, заросшие пустоши. Впрочем, Южная Америка тоже морочит голову, но там хотя бы не возникает проблем с языком, испанский худо-бедно выручает. В Африке хуже. Еще хуже на Востоке, там стреляют. Кто и почему — я не знаю, потому что не смотрю новостей. Хотя сдается мне, что те, кто смотрит, не знают тоже.

После подробного заполнения двух основных пунктов анкеты я уже примерно представляю, где нахожусь. Так что я вставляю в мой пазл недостающие кусочки из всего, что попадется на глаза. Смотрю на номера проезжающих машин, на их марки, на эмблемы компаний груженых фур, вывески бензоколонок, объявления на столбах, обрывки газет, долго и обстоятельно изучаю помойку, если посчастливится встретить таковую. Мусор дает едва ли не самое полное представление о месте и людях, живущих вокруг.

После этого я готов действовать. Я уже определил язык, на котором буду объясняться. Не сказать, что я владею всеми языками мира, скорее, на многих из них я могу выдать пару десятков главных фраз. Когда эта канитель только началась, я понял, что при любом удобном случае, в любой точке мира мне нужно искать словари и разговорники. И учить, все учить наизусть, потому что моя голова, в сущности, единственное, что я могу взять с собой.

Бывает, я провожу на новом месте сутки, иногда с неделю. Помню, однажды просидел сорок четыре дня в шахтерском поселке у Фокс-Ривер. Это — максимум,

Синяя веранда

рекорд, я тогда даже начал уповать, что мое проклятье осталось в прошлом... Но. Вчера я засыпал в Танжере. А там, кстати, красиво. Я давно перестал считать страны. Большинство городов, где я побывал, не нанесены на туристические карты и глобусы, потому что карты и глобусы вообще имеют лишь отдаленное отношение к нашему миру. Он намного больше.

Когда-то все это пугало меня до чертиков.

Я пытался не спать, чтобы подольше оставаться в одном месте... Это невозможно. Либо спишь и путешествуешь, черт пойми как, либо не спишь и подыхаешь. Выбор, в общем, невелик. Так что я путешествую.

Имея такой образ жизни, как мой, относишься иначе ко всему. Деньги? Всего лишь возможность заплатить за еду и крышу над головой. Нет смысла пытаться приумножить их, потому что у меня нет несгораемой суммы: уже завтра меня может зашвырнуть куда подальше, и все капиталы обнулятся. Помню, как-то я даже ложился спать с монетами во рту, будто покойник, в надежде ухватить с собой хоть немного предыдущего благосостояния. Да только куда там... Достижения техники и электроники? Я знаю о них понаслышке, чаще всего из рекламы по какому-нибудь запыленному телевизору в глуши, на заваленной хламом кухоньке моего нового знакомого, чье имя я не вспомню через неделю. Кстати, про понятие «несгораемой суммы» я тоже знаю из чьего-то телевизора. Слава, признание, достижения? Профессия? Это все не для меня, я занят решением насущных проблем. Если крупно повезет, я — разнорабочий. Мне

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

платят наличными, мятыми бумажками. Меня нет в реестрах и документах, списках пересекающих границы и держателей кредитных карт. Я не получил иного образования, кроме того, что ухватил на улицах и в разрозненных главах недочитанных книг. Все, что я уяснил: знать язык, на котором говорит стоящий перед тобой человек, куда полезнее, чем разгадывать устройство Вселенной и экономическую теорию. Умение починить кран или двигатель чихающего джипа, разжечь костер и поймать рыбу нужнее умения читать баланс и сводить дебет с кредитом. Хотя я и без понятия, что значат эти слова. Дружба? Невозможно завести мало-мальски доверительные отношения, когда не уверен, проснешься ли завтра хотя бы в пределах одного материка с новоиспеченным другом. Не говоря уж о более нежных материях...

Итак, сегодня за бортом плюс двадцать пять по Цельсию, солнце разгорается над горизонтом, и день обещает быть жарким. Я приподнимаюсь на локтях и не успеваю толком оглядеться по сторонам, когда слышу шелест покрывшек. Мне не хочется лишних вопросов, только не сейчас, когда в голове крепко засела душная пахучая ночь Танжера и похмелье от паленого джина, выпитого в подворотне с каким-то бородатым парнем. Вообще-то с алкоголем я обычно не перебарщиваю, от этого тоже зависит мое выживание, но вчера я наплевал на свои правила и сегодня плачу за это. Я скатываюсь в канаву и выглядываю оттуда. Мимо проезжает белый расхристанный пикап «Шевроле», старше меня раза в два, с высунувшейся из окна рыжей дворнягой. Номера

Синяя веранда

я, конечно, заметить не успеваю. Проклятье. Ну хоть по правой стороне, значит, не Австралия. Не Индия и не Япония.

А глотку уже саднит от вчерашнего перепоя. Пора двигаться. До воды лучше добраться, пока день не разошелся в полную силу. Я выхожу на дорогу и иду.

За долгие годы невольных странствий я научился не обращать внимания на отравляющие существование мелочи — и они перестали отравлять его. Стертые в кровь пятки успели поджечь за пять дней марокканских каникул, а ноющий затылок и пульсация крови в висках и глазницах — всего лишь факт бытия сегодняшним утром, это нестрашно, об этом вообще не стоит думать. Так что я думаю о невысоких горах, цепью тянующихся на горизонте, слева от меня, и о том, как пустынна и пряма дорога. Она серой струной перерезает равнину, выжженную, только кое-где в заплатах колючего кустарника. На ветру волнуются низкие сорные злаки, золотые растрепанные кочки. Земля, которой человек не распорядился... Асфальт, правда, хорош, вполне приличный, лишь иногда встречаются выбоины. Ни следов от шин, какие бывают при резком торможении, ни банки из-под колы или фольги от чипсов. Если бы не было дороги, я бы думал, что людей тут вовсе нет. Я глазею по сторонам с жадностью первооткрывателя. Я и есть первооткрыватель, с той лишь разницей, что пейзаж этот открыли раньше, а я никогда больше не увижу его. Будут другие, похожие и не очень, но именно этот — никогда. Я не попадаю в одно место дважды.